

Глеб Нагорный

Русский Хэллоуин

*Роман-
перформанс*

Глеб Нагорный

**Русский Хэллоуин.
Роман-перформанс**

«Издательские решения»

Нагорный Г.

Русский Хэллоуин. Роман-перформанс / Г. Нагорный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906005-1

«Ирония, выстраданная и нажитая, а вовсе не сиюминутная — пронизывает каждую реплику или ремарку пьесы, которую сам Глеб Нагорный определил как роман-перформанс... И почему никто до сих пор не брался за эту „глыбу“, которая по силе оказалась только Глебу?..» Дмитрий Чёрный, «Литературная Россия» «Текст — большой, тяжёлый и насыщенный, персонажи зримые... Получилось, государство-Левиафан не даёт благородной нечисти расправить крылья...» Валерия Шишкина, главный редактор журнала «Топос»

ISBN 978-5-44-906005-1

© Нагорный Г.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Smash the Pumpkin! [Убей олигарха]	6
РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН	9
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ2	10
Картина первая	11
Картина вторая	20
Картина третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Русский Хэллоуин Роман-перформанс

Глеб Нагорный

© Глеб Нагорный, 2018

ISBN 978-5-4490-6005-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Smash the Pumpkin! [Убей олигарха]

Тему олигархата искусство не то, чтоб обходит, но не воспринимает всерьёз. Да, в премиальных «шортах» прогуливалось немало произведений о сладкой жизни. И, конечно, как тут не вспомнить С. Минаева – который, как это ни смешно ему самому, но выступил на ТВ с морализаторским комментарием по поводу юнца, предлагающего проходим выпить в Парке Горького собственной мочи. Тут напрашивается сарказм: автор повести о ненастоящем человеке, черпавший документальные эпизоды из собственного, понятно, опыта – ужасается воплощению своих же текстовых достижений. Нет, мол, ТАК мы в школьные годы (хохо!) не хулиганили... Позоришко и авторское самоубийство, между прочим – ну, да прикремлённому телеведущему всё простительно. Выходит, чтобы написать об олигархе – надо либо самому быть олигархом, либо хоть средним буржуа, как Минаев с его винноупаковочным заводиком (если это не его же миф). Вот тут-то мы и приближаемся к истине: большое видится на расстоянии, но не на расстоянии классовой ненависти (тут, признаю, я бы не смог бытописать, хотя и захаживал). Тут нужно этакое инсайдерство – побывать транзитом, а потом и вдарить из всех орудий. Как Максим Кантор, уделяющий особое внимание античным архитектурным особенностям домов нуворишей как в «В ту сторону», так и в «Красном свете», как Оксана Робски и ряд возлюбленных либерал-премиаторами литераторов с Рублёвки. В нашем случае – попадание (в покой) стопроцентное. Автор – юрист, и с этим классом имеет контакты профессиональные. Иначе просто таких подробностей интерьера мы не заметили бы. Ведь и в том, что окружает олигархов – история страны, философия быта. И подобная пьеса (хотя, пьеса – переделанный роман о Романе Андреевиче, банальный каламбур, а приятный) напрашивалась, наболела, так сказать. Если постмодернисты с либеральной подкладочкой обстёбывали в конце восьмидесятых и начале девяностых советского человека – то кто запрещает сделать то же самое с человеком, который родился из отрицания социального равенства? Олигарх – не как частный случай набора каких-то там черт, – а именно как итог развития «тысячелетней Руси», как детище реформ и многих общественных усилий. Вот он – герой нашего времени, которого безуспешно искали новреалисты, и сейчас иногда вспоминают о тех поисках... Если вдруг Санька Тишин или Сергей Уражцев, претендовавшие на лавры Кибальчиша 21-го века, оказываются в услужении у Кремля (потому что Кремль, как заявил Прилепин, встал на его позицию), то кому же оставаться на фоне этой дешёвенькой и душевно обнищавшей подтанцовки героем? Конечно же, тому, кто равен Самому (в лучах славы коего пригреблись обрюзгшие вчерашние баррикадники)...

Тут нужно пояснение: почему олигарх. Это не просто желание подсматривать за роскошью (хотя и она походя изображена с должной иронией и искусностью). Это именно что достоевское желание заглянуть не в замочную скважину виллы, а сразу в душу. Что там водится? Ради чего СССР погиб, прославляя личность и ещё раз личность. Во чью славу, причём отчаянно абстрактно, пели реформаторы свои гимны о том, как справедливо заживут вчерашние совки при капитализме? Ведь там лейтмотивом-то шло нечто настолько прозрачное, что теперь и стыдно как-то признаваться: да, будущие олигархи славили самих себя, но пока что как абстрактные, не занятые ещё местечки в новом обществе. Как ваучерный автор-исполнитель Чубайс: сам придумал методику, сам разбогател. Мол, как только вырастет его величество Собственник, так всё и встанет на полагающиеся места. Зачем какие-то многолюдные институты, министерства, комиссии эти совковые, что за бюрократизация общества ненужная? Дайте Собственнику нажраться и он прокормит страну! Зачем бюджетирование, субсидии и прочее пере-

распределение социалистических накоплений, когда – построил церковь да и стал меценатом? Кто богат, тот и делится. Институт меценатства, традиции купеческой Руси – они, конечно, куда мудрее большевистских вымыслов плановой экономики!

Я не приукрашиваю (приукрашенное читайте в пьесе товарища Нагорного) – так это всё и звучало на митингах демшизы. Долой контроль бюрократии! То есть общественный контроль – вскоре лозунг сменился формулой «не смотри в чужой карман, джентльмены так не делают» (это мне лично посоветовал Дмитрий Киселёв на передаче своей «Национальный интерес»). По рукам дать черни можно, но вот взгляд – не отвести! Так вот национальный интерес-то устремлён упрямо именно туда – внутрь личности того самого Собственника, ради которого расформировали СССР, распродали социалистическую собственность на части, укрупнив именно этот финансовый институт Личности. Удался ли либеральный эксперимент – велик ли этот новый русский человек?

А человек этот, с наименьшей из букв, в «Русском Хэллоуине» – в состоянии перманентного похмелья. Он, Андреевич (фамилия подразумевается, в отличие от каких-то загадочных Кряжистых – всё-то прихрамывают современнички, всей классовой правды не осиливают груз), грустит, и от грусти своей просит, например, лакея двинуть в своё олигархическое рыло (цитата). Представляет историческую расплату. В сущности, все действия в лондонской хмари происходят от этой высокой болезни, от скуки. Видно, что развлечь себя олигархату всё сложнее – идея неоригинальная в свете, скажем, английского, гринуэевского же «Повара, вора, его жены...», но для РФ всё же свежая. Ирония, выстраданная и нажитая, а вовсе не сиюминутная – пронизывает каждую реплику или ремарку пьесы, которую сам Глеб Нагорный определил как роман-перформанс. И в этом, пожалуй, есть смысл. Ну, кто это прочёл бы? Книга – это ещё не действие. Конечно, сильный текст тянет экранизировать, поставить, обыграть... Но такой – с такой претензией и такой стартовой скандальностью? Тут явно Серебренников и Капков не сдюжили бы: если знать предысторию «цензурных» отношений последнего и Нагорного. Буквально дня за три до отставки Капкова, Нагорный огласил просторы фейсбука очередным проклятием в адрес либерал-чинуши... Тут поверишь в колядки-прятки и всякое такое магическое – этот Хэллоуин точно удался. Капков как должностное лицо «сдох» – но ведь надо догадываться, сколько было таких «непоставленных» авторов, которые злобно выдохнули после его отставки. А Капков, как мы знаем, был плотью от плоти Абрамовича – вот уж воистину поверишь в десакрализацию и всякое такое. Написать весело, искренне высмеять – и зашатались тверди. И почему никто до сих пор не брался за эту «глыбу», которая по силе оказалась только Глебу?.. Всё нас шариковыми пугали – ну и кого в ответ вырастили на горбу трудового народа?

Мне вот крайне любопытно, классово близкая главному герою перформанса «Практика» – не поставит ли? Вещица так и блещет как раз всеми постмодернистскими достоинствами (стёбными), но приложенными к объекту, который был табу для российского постмодернизма. Нет, конечно же и Пелевин и всё его литпоколение не могли не заметить сей класс и тоже как-то лениво шутили в ту сторону – но не было в тех шутках обличающей силы подлинной иронии, а не дежурного девяносыкового стёба.

Перформанс, украденный у придворных шутов этого самого класса (правящего, хоть он и в Англии) – работает не просто на сиюминутное ха-ха совокупного пролетария (коего, катарсического смеха, там даже с излишком), а на дальнейшие размышления. Это сколько же надо было миллионов «дорогих россиян» убедить в том, что выводить этого гомункула надо бережно, пятилетками! Что нельзя ему мешать воровать – так как это святая святых, первоначальное накопление!.. Ну и? Накормили они вас, дорогие россияне? До сих пор ремешки затягиваете? А помните себя в нулевых, когда этот самый-самый любимый президентом олигарх тут красовался? Демонстрировал политическую чуткость, отходя от Березовского и «помогая» футболу не только аглицкому... Осоловелый народ и глядел в пробирку: у него самого

и деревни мрут, и соседи, а у этих... Ну, хоть кому-то хорошо! Вот это-то всё и перенесено на сцену – причём с такими подробностями, что, конечно, не переселяются из текста в декорации автоматически. Тут – роман в первую очередь, лишь пересказанный перформансом...

Кстати, Глеб Нагорный с этим своим ноу-хау победил в Международном конкурсе современной драматургии «Время драмы. Зима 2014» на пару с Александром Чугуновым. Вот так не спас флёр огромных денег олигарха от судьбы стать современным героем-посмешищем. Эта фигура умолчания, этот национальный позор (ведь и смешная манера говорить не «капиталисты», а именно «девяностые» – как будто это годы решают судьбы, а не люди), и многое стыдливое здесь выдаёт запущенный общественный невроз на грани немоты... И пора как-то просмеять то, что было прежде «проплачено»...

Финал перформанса в двух действиях – то есть второе действие, стремится ко гробам в самом прямом смысле. На сцене гробы. Короткая и гиблая ветвь человечества, предчувствуя свою гибель как возрождённого класса – привыкает к гробам, обсуждает модификации гробов, в общем обыгрывает эту тему. И становится ясно: то, во что так заботливо Россия Постсоветская инвестировала миллиарды, отдавая их на самотёк, обернулось обречённостью. Обернулось олигархом-беженцем, который в ностальгии по московской погоде и искренне переживает за английскую королеву, которую могут свергнуть шотландские «сепары». Ум, честь и совесть Постэпохи спешит поскорее исчезнуть с исторической сцены – не под силу ему волоочь общество, ему бы как-то всё в свою сурдинку-волынку дулось... Какие там функции Госплана ему выполнять – зачем?

Дмитрий ЧЁРНЫЙ

«Литературная Россия»,

№18 (2701), 22 мая 2015 г.

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН

Роман-перформанс

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Олигархический тандем:

РОМАН АНДРЕЕВИЧ – демон к шестидесяти.

ЛЕОН – короткий анчутка¹ к тридцати.

БЕНЕДИКТ – длинный анчутка к тридцати.

Семья Кряжистых:

КАРОЛИНА КАРЛОВНА – ведьма за шестьдесят.

МИХАИЛ – бес за сорок.

БОРИС – полубес к сорока.

ГЛЕБУШКА – чёрт за тридцать.

НАСТЕНЬКА – ведьмочка за тридцать.

ЛИЗОН – ведьмочка за двадцать.

Прочий сброд:

ОТЕЦ СЕРГИЙ – экзорцист на доверии. Без возраста.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – адвокат дьявола. С возрастом.

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА – дьяволица за тридцать.

А также:

Шотландская и русская массовки.

¹ Анчутка (*устар.*) – мелкий бес, чертёнок.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ² ТРИК & ТРАК³

*Вот дом,
Который построил Джек.
С. Маршак*

Теги⁴: «Юбочники» и «портчники» – Хэллоуин – «Черный квадрат» – «Красный квадрат» – «Johnnie Walker» – «Red Label» – «Black Label» – Swarovski – «Некрополь Москвы» – Формат 3D – Джек.

² Роман-перформанс «Русский Хэллоуин» является сиквелом пьесы «Салон ритуальных услуг». Тем не менее данный текст самостоятелен и не требует детального ознакомления с его предшественником (-цей).

³ Верное написание *trick or treat / trick or track* (англ.) – варианты вольных переводов: «получим или проучим», «сладости или гадости», «кошелек или жизнь» и т. п. Одна из традиций Хэллоуина с хождением по домам и выпрашиванием угощений. (Прим. авт.)

⁴ Теги (англ. tags) – ключевые слова.

Картина первая Карандашный набросок

Шотландия. Предмесье Эдинбурга. Время по Гринвичу. Замок *Романа Андреевича* – олигарха-беженца.

В просторной зале у стены возвышается камин в человеческий рост. Над камином парит постмодернистский герб с перекрещенными алой и белой розами. По бокам камина, под бронзовыми бра, две картины: «Черный» и «Красный» квадраты Малевича. За ними скрываются вмурованные в стену сейфы. В камине на вертеле крутится баран. Около барана вертится *слуга* в ливрее. Он же – кухарка, прачка, охранник и мажордом.

По центру залы располагается гостиний стол со стульями викторианской эпохи. В левом углу прикорнули граммофон, стойка с виниловыми пластинками и хьюмидор красного дерева. На черно-оранжевых стенах висят картины с обнаженными девами, коллекция оружия и боксерские перчатки. На потолке лепятся пухлые херувимы с дудками и невероятных размеров люстра с рожками и подвесками.

Вокруг в беспорядке разбросана антикварная мебель: оттоманки на кривых ногах и торшеры на стройных; кокетливые козетки и хрупкие ломберные столики; мощные кресла зеленого бархата и сытые пуфы в порочном атласе; уверенные шкафы и комоды; неуверенные серванты и секретеры.

Всё загромождено табакерками, пепельницами, статуэтками, вазонами, блюдами и прочим дорогим хламом. Иными словами: привычный русский бардак в непривычной европейской среде.

В правом углу залы на передвижной платформе возвышается трон, в металлический каркас которого встроены бутылки. Подлокотники имеют нежную округлую форму, они ирландского и шотландского происхождения – из пивной стеклотары «Guinness'a» и «Armageddon'a»⁵. Седалище же выполнено из англоязычных скотчей, виски и бурбонов прямоугольной формы. Наравне с элитными, вопиюще дорогими емкостями, соседствуют вполне бюджетные «Johnnie Walker» – «Red» и «Black Label».

Спинку трона венчает коллекционный кельтский танкард⁶ на две пинты, с откидной крышкой. Бок кружки украшает древняя геральдика – дракон, попирающий лапой поверженного всадника. Рядом с воякой валяется бездыханный конь и сломанное копьё.

В изножье трона стелется шкура бурого медведя. Из разверстой пасти хищника торчит потухшая сигара, под нижней челюстью притулились влажная от виски мельхиоровая пепельница и серебряный квейк⁷ с окурками.

На троне восседает завернувшийся в шотландский плед *Роман Андреевич*. На мизинце его левой руки сверкает перстень; на подбородке – шотландка-переросток с разноцветными плетеными косичками; волосы на голове стянуты в хвост и перехвачены триколорной – под цвет флага покинутой отчизны – лентой; на шее болтается шотландский шнурок с двумя мохнатыми ало-белыми цветами, напоминающими «затычки»-наушники.

Олигарх облачен в несвежую сорочку, мятый жакет «Принц Чарли», с расстегнутым под ним жилетом, и килт, украшенный цепочкой белого золота. С цепочки свисает отороченный каракулем кожаный спóрран⁸. Ноги олигарха покрыты полосатыми бело-сине-красными

⁵ «Armageddon» – самое крепкое пиво в мире шотландской компании Brewmeister. Содержит 65% алкоголя. Крепче виски и бренди и в 16 раз обычного пива.

⁶ Танкард (*англ.* tankard) – пивная кружка.

⁷ Квейк (*англ.* quaich) – специальная шотландская чашечка для виски с двумя ручками. Внешне напоминает пепельницу.

⁸ Спóрран (*англ.* sporran) – поясная сумка-кошелек, чаще всего кожаная, носимая на поясе, на ремне килта или на отдельном

гольфами с глупыми бумбонами. Гольфы слегка приспущены, бумбоны лениво покачиваются из стороны в сторону. *Роман Андреевич* задумчиво дудит в волынку. Взгляд его печален и опустошен.

ЛЕОН (*протыкая шпажкой тушу барана*). Роман Андреич, ну хватит уже. Ушам больно.
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А?

ЛЕОН. Выключите звук, пожалуйста. У меня голова раскалывается.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А у меня сердце. Ты посмотри, что со страной творится. Средневековье! Мужики в юбках права качать начали! (*Пауза.*) Народ против кого, против королевы попер! Ты читал, что на Трафальгара творится? Нет, ты читал это? Полицейские якобы забили до смерти мирного шотландца, который, задрал юбку, показал премьеру пятую точку. Ты в это веришь?

ЛЕОН. Нет, конечно. Британия – демократическая страна.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вот, и я о том же. Не мог он жопу показать.

ЛЕОН. Жопу мог. Забить до смерти не могли. Это вам не Россия.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ой, да ладно тебе, в самом деле. (*Всаживает струю воздуха в волынку.*)

ЛЕОН. Роман Андреич, я ща на колени хлопнусь. Пожалуйста. Не волыньте.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*перестает играть*). Ладно, ладно. Вообще, Лёнчик, в Москве, помнится, тебе этот колорит нравился. Юбочный. Когда ты еще у Вадика, царство ему небесное, и Каролины Карловны работал. Забыл, что вы на Рублевке с Беней вытворяли? Напялят юбки, и давай в волынку дудеть. Тоже мне, охрана. Цирк! Вас же в приличном обществе показать нельзя было.

ЛЕОН. Так то в Москве. Мы с Беней прикалывались просто, под шотландцев косили. Круто же было! А тут туман, дожди, скука. А вы еще на волынке этой. Удавиться хочется.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вот. Доприкалывались. Ты хоть понимаешь, что революция на носу? Сейчас эти «юбочники» королеву ухлопают, и пиши пропало всей демократии. (*Неумело пытается воспроизвести на волынке «The Queen is Dead» британской рок-группы «The Smiths».*)

ЛЕОН. Монархии, вы хотели сказать. (*Складывает ладони домиком.*) Я прошу вас!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*задумчиво*). Хорошая монархия демократию не отменяет. (*Снова дудит.*)

ЛЕОН. Роман Андреич, у вас бодун? Что это вас в политику понесло? Какая тут революция может быть, в такой сырости?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*не дудит*). Ну, нам же морозы когда-то не помешали. Или ты, может, в Москве хотел бы остаться? Могу устроить.

ЛЕОН. Да ну, ни фига. После того, как Светка у Каролины Карловны всё наследство оттяпала. Ну ее в Болотную, Москву эту. Ни одного честного человека. Одни гастарбайтеры.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А сам-то кто?

ЛЕОН. Я – честный гастарбайтер.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Честных гастарбайтеров, Лёнчик, не бывает. Скажи спасибо, что я вас с Беней с собой забрал, сейчас бы горбатились где-нибудь у Светланы Николаевны... Что ж так башка-то трещит?

ЛЕОН. А чё вы так квасили вчера? Весь замок вверх дном. И хватит вам телик перед сном смотреть. Нормально всё у Трафальгара – разогнали их утром. Я наши каналы по спутнику смотрел.

узком ремешке или цепочке. Исторически используется для хранения мелких вещей или в качестве кошелька, поскольку у килта отсутствуют карманы.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да нет, я не из-за волнений. Всё равно они рано или поздно отсоединятся. Это и шотландскому ежу понятно. Депрессия у меня, Лёнь. Понимаешь? Депре-сси-я.

ЛЕОН. С чего бы это? Вы что... из-за целостности?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Это ты на российском Тэ-Вэ таких слов нахватался?

ЛЕОН. А хоть бы и на нем.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Смотри Discovery, здоровее будешь. Депрессия у меня по другому поводу. Со-о-о-всем по другому. *(Пауза.)* Из-за Гамильтона.

ЛЕОН *(крутит тушу барана на вертеле)*. Вам-то не по фигу на него?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Значит, не по фигу. Вот же черти! В Москве грабят, здесь грабят. Никуда от них не деться. Как думаешь, Лёнчик, кто его на картины развел, а?

ЛЕОН. А хрен его знает. Вас это колышет? *(Колет барана шпажкой.)*

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Угу. Колышет, еще как колышет... Он ведь мне недавно изящный набор подарил. Перстень, спорран, таблетницу. Шнурок вот шотландский. И знаешь, что сказал? «Пусть, – говорит, – берегут тебя эти амулеты. Алый цветок – это могущество. А белый – защита Богородицы. А без защиты, Ромео, нет и могущества. Когда-нибудь тебе эти предметы обязательно пригодятся». *(Теребит цветы на шнурке.)* Ромео, хм... *(Усмехается.)* Приятно, конечно, хотя я из этого возраста лет сорок как вышел. Добрый сказочник этот Гамильтон, что тут скажешь. А самого, видишь, Богородица не уберегла... Но я, Лёнь, добра не забываю. Как и зла, впрочем. Надо будет во всем этом разобраться, конечно... *(Мычит волюнкой.)*

ЛЕОН *(хлопается на колени)*. Ну, Роман Андреич! Умоляю! Перепонки лопаются. Сколько можно!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ *(искренне)*. А что такое?

ЛЕОН. Что, что?! Вчера весь день бухали, мешали много. Шотландский ёрш пили. Виски, пиво, квас. Потом морс меня заставили делать, кисель варить. Всю мебель под утро перевернули... Сегодня... Я уже не могу это терпеть просто!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ *(удивленно)*. Моя мебель, между прочим. Хочу переворачиваю, хочу на место ставлю. Ты чего это такой нервный? Из-за российского Тэ-Вэ на меня обиделся? И встань с колен. В этой стране крепостного права нет.

ЛЕОН *(поднимается)*. Да при чем здесь Тэ-Вэ? Вы со шкурой медведя вчера разговаривали, на брудершафт с ней пили. С портфелем, как угорелый, носились. Документы всю ночь с места на место перекладывали. Несли вообще чёрте чё... А сегодня в волюнку с утра пораньше дудите. Тут любой с вами с ума сойдет. А вы говорите – нервный!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ *(с любопытством)*. Да ну? И что же я нёс? Не кричи, и так голова раскалывается.

ЛЕОН *(успокаиваясь)*. Типа, вы всех из-под земли достанете.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Так и достану. Ты меня, Лёнчик, знаешь.

ЛЕОН. Да, хрена лысого, вам этот Гамильтон вообще сдался?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не он, Лёнчик, не он... И вообще, ты прав. Скуучнооо... запредельно скучно... *(Примеривается губами к мундштуку волюнки.)*

ЛЕОН. Ну, Роман Андреич, пожалуйста. Прекратите.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ладно, успокойся. Слушай. Может, по новой нажраться? А, Лёнчик? Как думаешь?

ЛЕОН. Five o'clock'a еще нет, чтоб бухать. И, это... Роман Андреич, не называйте меня так. В Европе я – Леон. Мы же договаривались.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ *(хмыкая)*. Ассимилировал, гастарбайтер? И вообще, к твоему сведению, Леон больше для Франции подходит... Кстати, а сколько сейчас? *(Вертит головой из стороны в сторону, ищет часы.)*

ЛЕОН. Рано пить еще.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Нет, я нажрусь всё-таки.

ЛЕОН (*пожмая плечами*). Вот я не понимаю, оно вам надо? Уехать из эР-эф в Шотландию и спиться?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А потому что скуучнооо... (*Наконец откидывает плед и встает; оправляет жакет, застегивает жилет на все пуговицы.*) Смог, сплин, сплюнь. Тьфу! Грабежи эти пошли. (*Хрустит суставами, бродит взад-вперед по зале, возвращается к трону, интересуется содержимым танкарда, задумчиво хлопает откидной крышкой, бормочет под нос.*) М-да, алкоголизм бывает мажорный и форс-мажорный... (*Пауза.*) Ведь это же не первый увод картин за год. И главное. Ощущение, что мне схема знакома. И заметь, никого не поймали. Даже подозреваемых нет.

ЛЕОН (*отворачиваясь спиной*). В Москве тоже весело было. Тоже не ловили никого. И забейте вы на картины, Роман Андреич.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не забудь... А в Москве, Лёнь, и правда жизнь была, движуха, разборы полетов. Рыла родные, опять же. А тут, что? Выйдешь на улицу – сплошные джентльмены. Соплей перешибить можно. А теперь еще и «юбочники» права качать стали.

ЛЕОН. Вы давно в зеркало смотрелись?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я не по одежде имел в виду, а по ментальности.

ЛЕОН. По чему?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. По менталитету. Если в двух словах, Леончик, то мир делится на две категории – «юбочники» и «порточники». Одни правду оголяют, другие скрывают. А правда, между прочим, у всех одна. Та, что между ног. Особо тут хвастаться нечем.

ЛЕОН. Демагогия какая-то. С этим... пафосом.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*усмехаясь*). Узнаю, Леончик, ярлыки 1-ого канала.

ЛЕОН. Леончиком тоже не надо... И что-то я не помню, чтоб вы в Москве особо в движухах участвовали. Чуть ОБЭП заявится – вы сразу на самолет. Извините, конечно.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Согласен, надо было ввязываться. Эх, сколько я в Москве из-за этого потерял. Знал бы, из драк не вылазил.

ЛЕОН. Так мы вроде и так из них не вылазили. Ну... это... Вы-то, конечно, образно.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А я вот не образно хочу. Хочу по-настоящему, по-русски. Так, чтоб харя в кровищу. Так мне тошно сейчас. После всего... (*Пауза.*) Знаешь, чтоб нос сломанный и почки отбитые. Чтоб души перелом! Открытый!

ЛЕОН. Ну, это я могу, конечно, устроить. Но вы ж меня закатаете потом.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не закатаю. Слово даю.

ЛЕОН. Олигарха слово?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Его.

ЛЕОН. Не подпишусь тогда. Болека вон просите. Беню, в смысле.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Кстати. Точно! Как я сразу не догадался? (*Противным голосом.*) Беняяя!

Входит садовник, шофер и чистильщик бассейна – *Бенедикт*. На нем прорезиненный фартук с нагрудным карманом. В одной руке огромные садовничьи ножницы. В другой – букет из алых и белых роз из зимнего сада.

БЕНЕДИКТ. Hello, Роман Андреич! How are you?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Fine. Слушай, Бень, дело есть. Отметель меня, пожалуйста. Хандра у меня.

БЕНЕДИКТ. Вы ж меня закатаете потом.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вы сговорились, что ли?

БЕНЕДИКТ. А я чё, подписывался, чтоб меня в Лондоне хоронили?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да никто тебя не собирается в Лондоне хоронить. Тем более, что до него отсюда пилить и пилить.

БЕНЕДИКТ. А где тогда? На природе? Или, может, в зимнем саду? Букет я уже нарезал.
(Ставит цветы в вазу.)

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ты что, Бень, не понял? Я тебе сделку предлагаю.

БЕНЕДИКТ. Cóntract, в смысле?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вроде того.

БЕНЕДИКТ. Ну а conditions'ы какие? (Кладет ножницы на стол.)

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ну, какие-какие. Поспаррингуемся просто. Я тебе десять фунтов дам.

БЕНЕДИКТ. Я ж вас умочалю, Роман Андреич. Какое поспаррингуемся?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ты мне не хами давай. Я, между прочим, на морфлоте когда-то служил. Руки удар еще не забыли. Ого-го удар какой!

БЕНЕДИКТ. А смысл? (Обращается к Леону.) Ты можешь что-нибудь объяснить?

ЛЕОН (пожимает плечами). Опять за старое взялся. Тоска, чего непонятного? Этот... сплин.

БЕНЕДИКТ. Так, может, шотландских цыган лучше закажем? Или бухнем просто? В пабе.

ЛЕОН. Five o'clock'a еще нет.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я не хочу в паб. Я крови хочу!

БЕНЕДИКТ. Это вам, Роман Андреич, в Москву надо. К «ватникам» и «пиджачникам». Или к «юбочникам» на Трафальгар. Там оттянитесь. За десять не согласен.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Двадцать.

БЕНЕДИКТ. Fifty.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Тридцать пять.

БЕНЕДИКТ. Семьдесят.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ты на английском только до пятидесяти научился считать? Сорок. И ни пенни больше.

ЛЕОН. Роман Андреич, вспомните Москву. Вы там тоже не умели торговаться. И чем это всё закончилось?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ты давай барана готовь!

БЕНЕДИКТ. Лёлек, прав. Сто. Или дальше продолжаем?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ладно, хрен с тобой. По рукам. Леон, будешь рефери.

ЛЕОН. Вообще-то, у меня баран.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ну так выключи.

ЛЕОН. Роман Андреич, это камин, а не плита.

БЕНЕДИКТ. Да мы, Лёль, недолго. Правда, Ромыч? Хлоп, и нокаут.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Какой я тебе «Ромыч»?

БЕНЕДИКТ. Sorry, Роман Андреич. Это я по московской привычке.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Что-то я не помню у тебя такой привычки. Ладно, а «долго – недолго» – это мы еще посмотрим.

БЕНЕДИКТ. Только бабули вперед, Роман Андреич. А то из нокаута особо не возьмешь.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вот ты наглый, как сто фунтов.

Олигарх подходит к одной из висящих на стене картин. Это «Черный квадрат» Малевича в китчевой золотой раме с переплетенными дубовыми листьями. Роман Андреевич отодвигает холст в сторону. За холстом обнаруживается сейф. Олигарх набирает на дверце код,

в этот момент *Леон* и *Бенедикт* синхронно приподнимаются на цыпочках и, словно гуси, вытягивают шеи.

ЛЕОН (*Бенедикту*). Там у него оффшоры. Бермудские.
БЕНЕДИКТ (*подмигивая* Леону). Это где всё пропадает?
ЛЕОН. Ага, как в толчке. (*Смеются.*)

Роман Андреевич, не реагируя на смех, открывает сейф, достает толстую пачку денег, слюнявя пальцы, отсчитывает купюры. Кладет пачку на место, захлопывает сейф, придвигает картину и разворачивается к *слугам*. Те моментально опускаются на ступни и возвращают головы на места.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Посмотрим еще на нокаут. Держи. (*Протягивает деньги Бенедикту.*)

БЕНЕДИКТ (*пересчитывает*). Здесь семьдесят.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Дай сюда. (*Забирает купюры.*) Нет. Ровно сто.

БЕНЕДИКТ. Теперь я. (*Настойчиво вытягивает деньги из рук олигарха.*) Семьдесят.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А я говорю – сотня.

ЛЕОН. Может, я попробую? (*Берет фунты у Бенедикта.*) Сотка, вроде. (*Еще раз мусолит бумажки.*) Точно сотка.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*отбирает деньги у Леона; прикладывает руку, в которой держит купюры, кренделем к поясу*). Я же говорил, а ты не веришь. Что я тебя обманывать, что ли, буду?

БЕНЕДИКТ. Ну-ка.

Бенедикт нежно прихватывает олигарха за руку, распрямляет его цепкие пальцы, вынимает купюры, каждую показывает *Роману Андреевичу* и *Леону*, медленно опускает деньги в карман фартука и членораздельно говорит: «Семь-де-сят». Долго смотрит на *Романа Андреевича*, подходит к нему вплотную, вытаскивает у того из-за спины спрятанную за пояс банкноту, затем хлопает ладонями по складкам килта. Из килта выпадает еще две купюры.

БЕНЕДИКТ (*нагибается, подбирает банкноты*). Шотландское чудо? Второе после Лох-Несса?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*недовольно бурчит*). Никакого пиетета.

БЕНЕДИКТ (*убирает деньги в карман фартука*). Ну чё, поехали?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Лёлек! Леон! Перчатки!

ЛЕОН. Но у меня баран сгорит!

БЕНЕДИКТ (*сквозь зубы*). Мы быстро, Лёль.

ЛЕОН. Ну, как знаете. Сгорит – я не отвечаю. (*Бенедикту.*) И не называй меня бабским именем.

БЕНЕДИКТ. А не надо кухарить.

ЛЕОН. Сам, между прочим, в фартуке.

БЕНЕДИКТ. Ладно, кулинар, не дуйся. Поехали.

ЛЕОН. Три, как у любителей? Или двенашка?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. «Двенашка» плохо звучит. Не те ассоциации навеивает.

БЕНЕДИКТ. Тут и одного раунда хватит.

Бенедикт с *Леоном* двигают мебель в разные стороны, расчищая пространство для импровизированного ринга. Затем *Леон* снимает перчатки со стены и раздает спаррингую-

щимся. Роман Андреевич и Бенедикт расходятся в противоположные углы. Леон идет за Романом Андреевичем, надевает ему перчатки, после направляется к Бенедикту, помогает ему.

ЛЕОН (*Бенедикту*). Ты его не сильно там. Он нам всё-таки зарплату платит.
БЕНЕДИКТ. Угу, постараюсь. Вот придурок. В Москве ему не сиделось.
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я всё слышу!

Роман Андреевич приседает, подпрыгивает, пыхтит. Бенедикт водит шеей и плечами.

ЛЕОН. Традиционно, Роман Андреич?! С разминочкой?
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да! Со словесными баталиями!
ЛЕОН. Поехали тогда! Бьемся в дёсны!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*не двигаясь, кричит Бенедикту*). Я тебя на шотландские гетры порву!

БЕНЕДИКТ (*из своего угла, с воинственным рыком*). В Москве надо было рвать! Щас-то чё раззявились?!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Под Тауэр закатаю!
БЕНЕДИКТ. Не кипятитесь, фокусник! Юбка не мешает?
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ты мне поговори еще! И не таких уделывал!
БЕНЕДИКТ. Кто кого еще уделает, неизвестно!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ой, ой! Не смешите меня! Парикмахер цветов!
ЛЕОН (*командует*). Сходитесь!
БЕНЕДИКТ. Замочалю! Всю страну разворовали!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Пролетарий в фартуке!
БЕНЕДИКТ. Хапуга в платье!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Плебей! Быдлю!
БЕНЕДИКТ. Ворьё! Будете очки из бровей выковыривать!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я не ношу очки!
ЛЕОН. Бокс! Не в парламенте!

Сходятся. Пританцовывают. Нарезают круги, но не дерутся.

ЛЕОН. Бокс, я сказал!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*нелепо держит руки в перчатках перед собой*). Сейчас, сейчас!
БЕНЕДИКТ (*Роману Андреевичу*). Бей уже!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не бей, а бейте!
БЕНЕДИКТ. Бейте уже, олигарх! Утомили!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я не могу первый!
БЕНЕДИКТ. Как вы бизнесом вообще занимались?!
ЛЕОН. Баран сгорит!
БЕНЕДИКТ. Баран передо мной.
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Что ты сказал?
БЕНЕДИКТ. Что слышали!
РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Кто «баран»?! Я – «баран»?
БЕНЕДИКТ. Вы – баран.
РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*Леону*). Нет, я так не могу, он меня оскорбляет. В конце концов, это просто неспортивно! (*На мгновение опускает руки.*)

БЕНЕДИКТ. Достали уже! (*Со всей силы впечатывает хук справа и догоняет снизу апперкотом; Роман Андреевич крикает и, вскинув ножки, падает на пол; юбка задирается.*)

ЛЕОН (*подбегает к Бенедикту*). Ты чё, опух?! Ты же продуть, как всегда, должен был.
БЕНЕДИКТ (*Снимает перчатки*). Соргу, на автомате вышло. А не фига было грабли опускать.

ЛЕОН. Надо было ему всё-таки капу вставить.

БЕНЕДИКТ. Ничё. Удалый баран не ходит без ран.

Слуги склоняются над олигархом. Леон подхватывает со стола кувшин и льет из него воду на лицо Романа Андреевича. Тот фыркает и приходит в себя. Крутит башкой. Зло сдирает с себя перчатки. Поднимается, ковыляет к трону. Взгромождается на него. Трет челюсть. Обиженно нудит волынкой.

БЕНЕДИКТ. Роман Андреич... Ром...

Роман Андреевич не реагирует. Леон подходит к барану, крутит его на вертеле.

БЕНЕДИКТ (*виноватым голосом*). Я ж не специально.

ЛЕОН (*шаманя у камина и приправляя барана специями*). Предлагаю Беню дисквалифицировать за недостойное поведение на ринге.

БЕНЕДИКТ. А хочешь, в смысле – хотите, я себе по морде надаю? (*Несильно хлопает себя ладошками по лицу*.)

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*вскакивает, кричит*). А потому что!.. Потому что – скууучноо! Потому что – одиноко! Мне поговорить тут не с кем! У меня уже во рту от одиночества воняет! Я в Москву хочу!

ЛЕОН. Вам нельзя в Москву.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А здесь я с ума сойду! Где твой баран? Не сгорел еще?

ЛЕОН. Не, я перевернул.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Скучно!

БЕНЕДИКТ. Ну, так ведь праздник вот-вот.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Надоело! Каждый год этот дурацкий праздник! Как идиот на нём выгляжу!

ЛЕОН. Так тоже вообще-то не очень.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А потому что – скучно! Одиноко! (*Топает ногами*.) И спать из-за этой погоды постоянно хочется!

БЕНЕДИКТ. Ёкарный бабай, ну чё ты заладил в самом деле!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А ты мне не тыкай! Никакой субординации!

БЕНЕДИКТ. Ладно, извините. А хотите тёлочек позовем?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не хочу!

ЛЕОН. Может, мальчиков тогда?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Нет! Надоело всё!

БЕНЕДИКТ. Карликов с лилипутами?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ты за кого меня держишь?

БЕНЕДИКТ. Я вообще-то цирк имел в виду. Королевский.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Мне цирка в Москве хватило! Президентского!

БЕНЕДИКТ. Так чего ж вас тянет туда постоянно?.. (*Олигарх не отвечает*.)

Слуги усаживаются по разные стороны от Романа Андреевича. Гладят его, точно маленького ребенка по головке, сюсюкаются. Приговаривают, как в советском мультфильме: «Эх, Рома, Рома...» Олигарх куксится и гудит что-то печальное на волынке.

В этот момент раздаётся мелодичный звонок в дверь. Мелодия: «Москва – звонят колокола».

ЛЕОН (*Роману Андреевичу*). Вы разве ждете кого-то?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я? Нет, конечно... То есть, стоп... Да! Сегодня какое число? Ну, конечно же! Как я забыть мог, сам же приглашал. Это, наверное, из Москвы приехали! Иди открывай! (*Лихорадочно заплетает косички на бороде в одну мощную косу.*)

ЛЕОН (*бьет себя по лбу ладонью*). Fuck! Я и забыл совсем! (*Уходит в холл.*)

БЕНЕДИКТ. Вот чума сейчас будет. Мои вам congratulations'ы, Роман Андреич.

Возвращается обескураженный Леон.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ну что, приехали? Кряжистые, да?

ЛЕОН. Роман Андреич... Там это... Как бы это выразиться... Посылка...

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Посылка?

ЛЕОН. Да.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Подарок, что ли, какой? Неси!

ЛЕОН. Ну... не знаю... (*Переминается с ноги на ногу, мямлит.*) Вы гроб заказывали?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Какой еще гроб?

ЛЕОН. Односпальный. С кистями.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Гроб? Какой, к чёрту, гроб?!

ЛЕОН. Откуда я знаю? Дубовый, наверное. Чё делать-то теперь будем, Роман Андреич? Там венки еще.

БЕНЕДИКТ. Чё за херня? Метка, что ли?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Чё?! Чё?! Разчёкались тут! Дохнуть теперь все будем! (*Пауза.*) Ссуки! Нашли меня всё-таки. Нет! Я, пожалуй, нажрусь сегодня. Несите. (*Направляется к трону, приседает, откручивает одну из бутылок и, путая квейк с пепельницей, плещет в последнюю коричневатую жижу.*)

Бенедикт с Леоном вносят гроб.

Затемнение.

Картина вторая Пасторальный мотив

Леон, Бенедикт и Роман Андреевич стоят, склонившись над гробом. В руке у Романа Андреевича мельхиоровая пепельница – олигарх посасывает вискарь и морщится, точно от неприятного запаха. Леон с Бенедиктом в недоумении перебирают ленты на венках.

ЛЕОН (*читает*). «От товарищей по работе», «Скорбим, помним, жди».

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*нервно теребит косу на бороде*). Вот сволочи!

БЕНЕДИКТ. Жестко. Рвать отсюда надо.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Куда? (*Вытаскивает из споррана таблетницу, достает разноцветные пилюли.*)

БЕНЕДИКТ. Да хоть в Штаты.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Они и там найдут.

БЕНЕДИКТ. Но чё-то ж надо делать?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Всё уже сделали, что смогли. Если и сюда их руки дотянулись... (*Запивает пилюли алкоголем.*)

ЛЕОН. А вот еще. Ту би ор нот ту би... От бисексуалов каких-то... Дальше вообще непонятно...

БЕНЕДИКТ. Ну-ка дай. (*Читает.*) Везер тис ноблер ин зе минд ту суффер...

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*автоматически поправляет*). Mind to suffer.

БЕНЕДИКТ. Ага. Ту саффер. Зэ слингс анд арроус оф аутрагеоус фортуне... Абрака-дабра какая-то... Ор ту таке армс агаинст а си оф траблес... Блин! Язык сломать можно...

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Бень, ты в какой стране живешь? Это же Шекспир. Монолог Гамлета.

БЕНЕДИКТ. А он разве не на английском писал?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А это, по-твоему, какой язык?

БЕНЕДИКТ. Какой?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*членораздельно*). Ан-глий-ский.

БЕНЕДИКТ. Да, бросьте. Я английский знаю, это не он.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А какой тогда?

БЕНЕДИКТ. Ну, немецкий. Датский, может. Или даже финский какой-нибудь.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да нет, Бенья, это – самый настоящий английский.

БЕНЕДИКТ. Бросьте, Роман Андреич, прикалываться. Где тут – sorry? Indeed? Где? Покажите.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А у тебя словарный запас из скольких слов?

БЕНЕДИКТ (*обиженно*). Достаточный. Если надо – объясню. (*Бьет правым кулаком в левую ладонь.*)

ЛЕОН (*переворачивает ленту*). Тут на обратной стороне перевод есть. (*Читает как телеграмму.*)

Быть или не быть зпт вот в чем вопрос тчк

Достойно ль

Смиряться под ударами судьбы зпт

Иль надо оказать сопротивление

И в смертной схватке с целым морем бед тчк

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*продолжает*). Покончить с ними? Умереть. За-бы-ться! (*Допивает виски, ставит пепельницу на гостинный стол.*)

БЕНЕДИКТ. Ну вот, так гораздо понятней! Забыться. А то ноблеры всякие, траблеса.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*Леону*). Там есть еще что?

ЛЕОН. Конверт какой-то. Вскрывать?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Покажи. (*Берет конверт, рассматривает на свет.*) Открытка какая-то. Некролог наверняка. Читай.

Леон вскрывает конверт. Достает открытку. Она оказывается музыкальной – с траурным маршем Шопена.

ЛЕОН (*читает вслух*). «Дорогой Роман Андреевич! Пусть не печалит вас музыка последнего пути! Пусть не смущают вас венки и ленты! Пусть не тревожат вас домовина и атласные подушки! Да, нет у вас Родины! Да, не имели вы семьи! Да, были вы гонимы и обещены! Но ваши боевые товарищи помнят вас! И каждый день, каждый час, которые вы проводите в изгнании и вынужденном заточении, не проходят для нас даром. Вы живете в наших сердцах еженощно, ежечасно, ежесекундно... И если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе!»

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вот сволота!

БЕНЕДИКТ. Чеченский след? Про Магомеда-то.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не городи чушь, я на их территории не работал.

БЕНЕДИКТ (*недоверчиво*). Да ну?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Неважно уже! Подпись есть?

ЛЕОН. Есть... (*Пауза.*) Всегда ваши. Семья...

Дочитать он не успевает. В этот момент распаивается крышка гроба, и из него появляется рука с бумажкой. *Роман Андреевич, Леон и Бенедикт* пятятся назад. Из гроба медленно восстает тело. Это – *Глебушка Кряжистый*.

ГЛЕБУШКА (*облаченный в костюм чёрта*). Слава Шотландии!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ, ЛЕОН, БЕНЕДИКТ (*автоматически; хором*). Шотландцам слава!

ГЛЕБУШКА. Танцуйте, узник совести! Вам повестка!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*срываясь на визг*). Иииидииоот! У меня чуть инфаркта не было!

БЕНЕДИКТ. Вот так surprise!

ЛЕОН. Глеб Вадимыч, ты откуда?

ГЛЕБУШКА (*выходя из гроба*). Откуда-откуда? Оттуда. Из Москвы.

ЛЕОН. Ну ты дал, Глеб Вадимыч! Я же выстрелить мог.

ГЛЕБУШКА. Из чего? Из открытки?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Уф, я уж думал – это за мной. Ну вы нас и напугали.

ГЛЕБУШКА. Ну, у кого совесть чиста, тем бояться нечего. Кстати, это вам, Роман Андреевич. (*Вручает ему повестку.*) Приглашение на казнь. От русского Кафки. Доставка DHL-ом, так сказать. Дверь-то откройте. Там остальная кодла.

Леон с Бенедиктом уходят в холл.

ГЛЕБУШКА (*в недоумении оглядывает олигарха с головы до ног*). А что это вы, Роман Андреевич, как Керенский вырядились? Панкуете?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Это национальное.

ГЛЕБУШКА. Понятно. Хиппуете, значит. То-то я смотрю, на вас фенечек больше, чем на «детях цветов». Скажите честно, а в Израиле кипу бы прикупили?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Мне, Глеб Вадимович, не надо. У меня есть.

ГЛЕБУШКА. Ну, ладно, а беруши-то вам зачем? Шотландские соседи шумят? (*Показывает на кожаный инчурок с цветами.*)

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Это не беруши.

ГЛЕБУШКА. А что тогда?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Так. Подарок. Амулет. От человека одного важного...

В это время в залу под хит ливерпульской рок-группы «The Beatles» «Back in the USSR» вваливается семья Кряжистых с православным священником. Все, кроме батюшки, облаченного в casual-рясу, одеты в карнавальные костюмы.

Каролина Карловна (мать), Михаил (старший сыно-брат), Борис (средний сыно-брат), Настенька (старшая сестра-дочь), Лизон (младшая сестра-дочь) и отец Сергей (никому не отец).

Леон и Бенедикт оттаскивают гроб в угол.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*в костюме летучей мыши; с распростертыми объятиями устремляется к олигарху*). Роман Андреевич! Дорогой вы мой человек! Как же мы по вас соскучились! (*По московскому обычаю трижды елозит щечками по лицу олигарха.*)

ГЛЕБУШКА (*поправляя*). По вам, Карловна, по вам.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*обнимает Каролину Карловну, елозит в ответ*). А уж я как! В этой стране с ума сойти можно! Вы маску-то снимите, Каролина Карловна. Я вас всё равно узнал.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Я без маски, Роман Андреевич! Вам нравится?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Отлично выглядите! Посвежели. Только другая какая-то... Вроде вы, а вроде нет.

ГЛЕБУШКА. Это у мамы ботокс, Роман Андреевич.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*шипит на Глебушку*). Помолчи!

СЛУГИ (*хором*). Nice to see you, Каролина Карловна!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*похлопывает их по плечам*). Леонид! Бенедикт!

СЛУГИ (*хором*). Помолодели!

ГЛЕБУШКА. Знаем!

Каролина Карловна щиплет Глебушку. Тот отбегает в сторону от матери.

ЛИЗОН (*в латексном костюме черной кошечки; хвост-хлыст, перекинутый через руку; на голове трехцветный чулок*). С Хэллоуином, Роман Андреевич! (*Выключает iPad, из которого раздается музыка, прячет «планишет» в сумку, затем принимает из рук Бориса позолоченную тыкву с горящими электрическими свечами и вручает ее олигарху. Тыква разукрашена стразами.*) А это вам сувенир. Swarovski! Последняя коллекция.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*принимая подарок*). Спасибо, Лизонька! А что это у вас за чулок на голове?

ЛИЗОН. Это последний московский shit!⁹ Или вы телик не смотрите? (*Стаскивает с головы бело-сине-красную балаклаву.*)

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*вертит в руках тыкву*). Редко, Лизонька. Нет там правды. Сплошная пропаганда. А вещица забавная. Спасибо.

⁹ Shit (англ.) – фекальные массы.

ГЛЕБУШКА. Сможете монолог принца Датского над этой тыковкой прочесть. Там, кстати, есть замечательные слова: «Боязнь страны, откуда ни один не возвращался...» Догадываетесь, на что это Вильям, Шекспир наш, намекал?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Узнаю московский сарказм, Глеб Вадимович.

НАСТЕНЬКА *(в наряде нежной феи с крыльшками; в руке разноцветная волшебная палочка)*. Глебушка, прекрати! Мы же только приехали.

ГЛЕБУШКА. «Офелия! О радость! Помяни мои грехи в своих молитвах, нимфа».

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Глеб! Хватит!

ГЛЕБУШКА. Самое время начинать, Карловна. А то у меня язык в гробу затек.

НАСТЕНЬКА. Роман Андреевич, не обращайтесь на него внимания, вы же его знаете!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Знать-то знаю, отвык немного. Здравствуйте, Настенька!

НАСТЕНЬКА. Здравствуйте, Роман Андреевич!.. Лёнчик, Бенчик!

СЛУГИ *(хором)*. Hello, Анастасия Вадимовна!

МИХАИЛ *(в гламурном костюме беса – с искрой)*. Ромыч! На! *(Протягивает руку.)*

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Миша! *(Жмёт друг другу руки.)*

БОРИС *(в костюме полубеса – без искры)*. Роман Андреевич! Как говорят в Финляндии – Хювя пайвя! Добрый день!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Боря! *(Обнимаются, елозят.)* А почему в Финляндии?

БОРИС. А я недавно финский учить начал. Для саморазвития. Ну и так. Мало ли.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Похвально. В наше время всё может пригодиться. Интерактивно или как?

БОРИС. Пока, к сожалению, обычно. По самоучителю. Но надеюсь, в самое ближайшее время с прямыми носителями получится взаимодействовать. Пока в самолете летел, даже несколько пословиц выучил. Знаете, например, как на финском будет «скупой платит дважды»? Пихи максаа кахдести. *(Лучится.)* Здорово, правда? Меня еще, правда, произношение немного подводит, но я стараюсь. Или вот. Опи улвормаан сусиен мукана, йос элят нииден кансса. Угадаете, нет?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. С волками жить – по-волчьи выть?

БОРИС. Удивительная проницательность, Роман Андреевич! Как вы догадались?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Жизненным опытом, Боренька, догадался. А произношение дело поправимое. Главное, чтобы, как ты выразился, «прямые носители» рядом были. А так – умница! Пословицы со смыслом. *(Похлопывает его по плечу.)*

БОРИС. Будут прямые носители, Роман Андреевич! Обязательно будут!

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Славься дом сей во Христе! *(Хищным взглядом оглядывает залу; осекает углы.)* Приветствую, Роман Андреевич!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Здравствуй, Серёжа!

ЛИЗОН. Ой! А дайте я вас всех сфоткаю! *(Снова достаёт «планшет», разворачивает таким образом, что всем хорошо виден чехол с голограммной оранжевой тыквой на черном фоне; руководит.)* Роман Андреевич, вы давайте сюда. В центр. Мам, ты рядом с Романом Андреевичем. Обними его. Миша, Боря, улыбаемся. Настька, сними очки!

НАСТЕНЬКА. Я без очков не вижу.

ЛИЗОН. Тебе не надо видеть. Это на минутку.

ГЛЕБУШКА. Вампирам вообще видеть необязательно, они чувят.

НАСТЕНЬКА. Дурак!

ЛИЗОН *(батюшке, который рыщет по зале)*. Отец Сергей, вернитесь! Да, да, сюда. Нет, ложиться не надо.

ГЛЕБУШКА. Крест только снимите.

ЛИЗОН. Не снимайте!

МИХАИЛ *(даёт легкий подзатыльник Глебушке)*. Хорош болтать!

ГЛЕБУШКА. Я только начал. Бесово твоё семя. (*Леону и Бенедикту.*) Анчутки сбоку. Не нарушайте субординацию. Роман Андреевич, возьмите фонарик Джека.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Какой фонарик?

ГЛЕБУШКА. Да тыкву эту. Видите, как лыбится? Это она вам радуется.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я её и так держу.

ГЛЕБУШКА. Так вы мордой-то её от себя разверните.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вы, Глеб Вадимович, совсем не изменились.

ГЛЕБУШКА. Ну, юбку уж точно не ношу.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА, МИХАИЛ, БОРИС, НАСТЕНЬКА (*хором*). Глеб, пре-кра-ти!

ЛИЗОН. Так, улыбнулись все! Сейчас отсюда вылетит птичка!

ГЛЕБУШКА. И поцелует всех клювиком в лоб! Быстренько намазались зеленкой.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Замолчи!

ЛИЗОН. Ну вот, мам, ты рот открыла. Переснимать придется.

ГЛЕБУШКА. Это она зевнула. Нормально, Лизон, оставь. Зевок в прыжке.

МИХАИЛ (*Глебушке*). Я тебя сейчас обратно в гроб уроню.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А мне нравится! Это как раз то, чего мне здесь не хватало!

ГЛЕБУШКА (*всем*). Видите, у меня уже своё шотландское лобби образовалось.

ЛИЗОН. Глебушка, помолчи. Ну, пожалуйста... Внимание! Пять сек! Фоткаю! (*Делает несколько снимков.*) А теперь со мной. Глебушка, иди сюда.

ГЛЕБУШКА (*берет «планшет»*; Лизону). В ноги олигарха падай. Типа, бабло побеждает зло. Нимфой стелись. Роман Андреевич, а вы, типа, ногой её попирайте.

ЛИЗОН (*нервно щелкает хвостом-хлыстом*). Ну, Глебушка, ну, не смешно уже.

ГЛЕБУШКА. Ладно. Так. Напряглись все. Роман Андреевич, представьте, что вы в СИЗО.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Типун вам на язык, Глеб Вадимович!

ГЛЕБУШКА. Не разговариваем! Разговорчики, понимаешь, в строю! Итак. Роман Андреевич, вы признаете свою вину перед обществом? Распилы? Оффшоры? Подкупы? Лже-свидетельствования? Немножко колония в кофе? Самую малость, а? Первый полоний, как первая любовь – раз и навсегда.

Михаил вырывается вперед и отбирает у Глебушки «планшет».

МИХАИЛ. Вон на место!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да пусть болтает! Знаете, как я по вам соскучился!

МИХАИЛ. Всё! Улыбаемся! Улыбаемся, Глебушка, я сказал!

ГЛЕБУШКА. А я что делаю?

МИХАИЛ. Ты рожу корчишь! Не скалься, на!

ГЛЕБУШКА. А как, по-твоему, господарь Цепеш улыбаться должен?

ЛИЗОН. Кто?

ГЛЕБУШКА. Граф Дракула.

БОРИС. Ну, до Дракулы ты ещё не дорос.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Как же хорошо с вами!

МИХАИЛ. Фотографирую! Граф, улыбнулся быстро, а то осиновый кол всажу! (*Фотографирует.*) Всё!

ЛИЗОН (*забирает «планшет», рассматривает фотографии*). Классно получилось! И крест такой, ух! (*Отходит к гробу, делает селфи¹⁰; принохивается.*)

¹⁰ Сэлфи (*англ.* selfie от self) – разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на камеру и последующим выкладыванием снимка в социальные сети.

МИХАИЛ. Только фотки не вздумай в сеть выкладывать.

ЛИЗОН. Ну я дура, что ли?.. А чё это за запах?!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Точно! Паленым каким-то пахнет.

ЛЕОН. Баран! Баран сгорел! Я предупреждал!

Все бегут к камину. Подхватывают со столов емкости. Дуют, льют воду.

ЛЕОН (*огорченно*). Ну вот. Сгорел всё-таки. Я так старался.

БОРИС. Да, запашок.

БЕНЕДИКТ. С другого бока вроде не запылен.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*слугам*). Уносите.

ЛЕОН. Кое-чё еще можно подать. Если вот тут и тут отрезать.

ГЛЕБУШКА. Только куски не перепутай. А то, знаю я вас, салатом прикроете просто.

ЛЕОН. Глеб Вадимыч, обижаешь. Я в поварском деле ас.

ГЛЕБУШКА. Это я уже понял. Шустрая стряпуха.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Лёнь, напитки хоть принеси.

ЛЕОН (*поправляя*). Леон...

ГЛЕБУШКА. Леон? Так стриптизеров в Москве зовут.

ЛЕОН. Мы, слава Богу, не в эР-эфФ, Глеб Вадимыч. Британия – свободная страна.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*Леону*). Быстрее, я сказал! И приберитесь тут, наконец!

Слуги снимают вертел и уносят барана на кухню. Затем возвращаются, отволакивают гроб в холл и расставляют разбросанную после поединка мебель. Уходят на кухню.

Часть гостей рассаживаются, часть бродят по зале – рассматривают картины и коллекцию оружия.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ну, Каролина Карловна, рассказывайте. Как вы там поживаете? Как крестник мой?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Да по-старому, Роман Андреевич. Сашенька подрастает. В детсаду сейчас. Круглосуточном. А то времени на него нет. А вот Светлана Николаевна помимо бизнеса еще и политикой занялась... Цветы, кстати, недавно разводить начала.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Политикой? Без образования? Цветами занимается?

ГЛЕБУШКА. Ну вы, Роман Андреевич, вроде тоже оксфордов не заканчивали да и флорой, смотрю, увлекаетесь. (*Кивает на розы в вазе.*) Белая роза – эмблема печали, алая роза – эмблема любви.

НАСТЕНЬКА (*поправляет*). Черная. Печали.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Так я и в политику никогда особо не лез. Только бизнесом. А цветы это так – хобби.

ГЛЕБУШКА (*усмехаясь*). А для бизнеса образование, значит, не нужно? Ах, ну да, забыл. Пилить и без диплома можно.

МИХАИЛ. Тормози уже, на!

ГЛЕБУШКА (*садится в кресло, картинно закидывает ногу на ногу*). А что? Поддерживаю светскую беседу. (*Ёрничает.*) Предлагаю, Роман Андреевич, поговорить о погоде. Какие нонче погоды в Британиях? Дожди? Туманы? Иные осадки? Не шалит ли Ла-Манш? Давно ли наблюдались паводки? Ну, и самое главное. Что с полями для гольфа с крикетом? Как боретесь с плесенью?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вот сколько вас не видел, а вы, Глеб Вадимович, как были балагуром, так им и остались. А погоды плохие тут – даже в бадминтон толком не поиграешь.

(Вздыхает.) Настроение паршивое. Что уж тут говорить – дрянь настроение. Сплин, тоска, депрессия. Вон, революция на носу. В Москву хочу. Там-то как?

ГЛЕБУШКА. А там всё стабильно. Ваньки-встаньки качаются, матрешки на месте, ну и вы в розыске. На выборах только подморозило.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*морицась*). Не надо про выборы.

ГЛЕБУШКА. А чё так? Не любите игру в фанты? Вам по душе активный скрэббл?¹¹

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*кисло улыбаясь*). Нет, Глеб Вадимович, я больше лапту люблю. С городками.

ГЛЕБУШКА. Ну, в этот городок я бы на вашем месте не совался. Тем более, вы и так в Forbes сильно сместились, слаломист вы наш. Как бы на новой трассе вообще ноги не переломать.

БОРИС. Да, Роман Андреевич, нельзя вам в Москву. Непокойно там. А вы сейчас для всех лакомый кусочек. Что для правых, что для левых...

ГЛЕБУШКА. Что для центровых футболистов. Посадки нужны, сами понимаете. В смысле – голы. Для рейтинга. А то офисные хомячки недовольны. Свиристствовать начали... (Пауза.) Роман Андреевич, скажите, а у вас к рукам только определенные документы липнут?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*удивленно смотрит на руку, в которой всё еще держит повестку*). Тьфу ты, чёрт! (*Устремляется к камину, бросает в него уведомление, поджигает; говорит вполоборота с ударением на второе слово.*) Какие еще новости?..

ГЛЕБУШКА. Ну, как вам сказать, фигня всякая. В регионах референдум за отсоединение. Столицу переносят в Ёбург. В Москве организована русская диаспора. Остатки России присоединяются к Финляндии. Алеуты бесчинствуют. Государственный язык отменен за ненадобностью. Повсеместно вводят глиняные письма. Еврейские погромы. Ну, это как всегда, впрочем. Много чего. За всем не уследишь... Иными словами, после долгих поисков ориентации на Запад или Восток, Россия выбрала нетрадиционную ориентацию.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Опять шутите?

ГЛЕБУШКА. Ну, после «юбочников» и «порточников» я, честно говоря, ничему не удивлюсь. Слава Шотландии, кстати!

БОРИС. Шотландцам слава!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Беспредел, конечно, творится.

НАСТЕНЬКА. Только шотландский.

МИХАИЛ. Бандерлоги, чё тут скажешь.

ГЛЕБУШКА. Ага, правда, в юбках.

МИХАИЛ. Зато платят хорошо.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Платят?

МИХАИЛ. Это позже обкашляем, на.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Миша, я вот спросить хотел. А откуда у тебя это странное «на» появилось? В Москве вроде не было.

МИХАИЛ. В офисе подхватил. От ЧОП-овцев¹². Бизнес же защищать надо.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Понятно.

В этот момент входит Леон с подносом. На подносе стоят бокалы. К бокалам тут же устремляются Лизон и отец Сергей, рассматривавшие коллекции на стенах.

ЛЕОН. Аперитивы!

¹¹ Скрэббл (*англ.* scrabble – рыться в поисках чего-либо) – настольная игра, в которой 2 или 4 играющих соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных плиток на доске, разбитой на квадраты. В русскоязычной среде известна под названием «Эрудит» или «Словодел».

¹² ЧОП (*аббрев.*) – частное охранное предприятие.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*раздраженно*). Аперитивы, sir! Сколько можно повторять?!

ЛЕОН. Они самые, sir!

МИХАИЛ. Вот! Другое дело! (*Поднимается, берет бокал.*) Ты, Ромыч, Глебушку не слушай. Он глумится, как всегда. Скоро власть сменится – нормально вернешься, на.

ГЛЕБУШКА. Вот именно, что «на».

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Когда это скоро?

МИХАИЛ. Ну, лет через пять-шесть. Максимум двенадцать.

ГЛЕБУШКА. Сменится она, власть, как же. Шиворот-навыворот. Клептократия на клептоманию.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Хватит вам о политике! В конце концов, мы отдыхать приехали.

ЛИЗОН. Точно, мам! Хэллоуин же!

НАСТЕНЬКА. У вас есть костюм, Роман Андреевич?

ГЛЕБУШКА. А зачем ему костюм? Он и так замечательно выглядит. Вон как мимикрировал. От настоящего «юбочника» не отличишь.

НАСТЕНЬКА. Глеб, ну зачем ты так? Ты вон на праздники вообще мундир поручика надеваешь. У Романа Андреевича тоже что-нибудь интересное должно быть. У вас же есть что-нибудь интересное, правда?

ГЛЕБУШКА (*усмехается*). Интересней шотландской юбки, по-моему, уже ничего быть не может.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Есть, Настенька, но он мне надоел. Я так, пожалуй, буду.

БОРИС. Что-то вы совсем без настроения.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А откуда ему взяться, настроению? Когда вон, что везде творится.

МИХАИЛ. Ромыч, ну чё ты душный такой? Ща накатим, Британья сразу фейерверками расцветет.

ГЛЕБУШКА. Русскими. А какой костюмчик, если не секрет? Щелкунчика или дровосека?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Мундир королевского гвардейца. Но там медвежья шапка очень неудобная. Сваливается постоянно. (*Показывает руками огромную шапку.*) И ремешок в подбородок жмет. Я сегодня не буду переодеваться.

ГЛЕБУШКА. Ну и правильно. У нас Сергуня тоже в постоянном прикиде. Экзорциста.

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Побойся Бога, Глеб Вадимыч!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*Глебушке*). А у вас серьезно мундир поручика есть? Настенька не преувеличивает?

ГЛЕБУШКА. Ну надо же в чем-то русские маскарады справлять. Вон, у Миши вообще гусарская форма в шкафу висит. Коляды ждет. До этого казачий бешмет был. Он его с бодуна в секунд-хенде приобрел. Там как раз оптовая распродажа была: килограммами шмотье продавали. Но фишка в том, что в комплект еще и нагайка входила. А она Мише сильно по пьяному делу мешала. Он ее частенько в ход пускал. В итоге пришлось остановиться на гусарстве, шпорах и сабельке. Пластмассовых, правда.

МИХАИЛ. Да ладно те, Глеб!

НАСТЕНЬКА. А вот и не ладно, не ладно!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да-а-а... Давно я в эР-ЭФ не был... Ну, хорошо. Давайте уже выпьем!

Все поднимают бокалы.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. За встречу, Роман Андреевич!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. За нее.

Чокаются. Отпивают.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Отличный букет!

ГЛЕБУШКА. Зачетное винище!

БОРИС. Неплохо, неплохо. Знакомый вкус какой-то.

НАСТЕНЬКА. Аромат! Ничего подобного раньше не пила.

ОТЕЦ СЕРГИЙ (*врастяг*). Слааадость-то какая. Во Христе.

МИХАИЛ. Чё за вино такое знакомое? Не могу разобрать, на.

БОРИС. Квинтарелли Джузеппе?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Боренька, что ты! Мы когда в Мадриде были...

ЛИЗОН. Нет, мамуль, это Франция. Жэ-Пэ Шене. Бюджетное.

БОРИС. Две тысячи первого, угадал?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*загадочно*). Ни за что не угадаете...

БОРИС. Нулевого урожай?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*довольно улыбается*). Нет.

БОРИС. Сдаюсь.

ГЛЕБУШКА. Может, экспрессивные чилийские виноделы? Или те больше по сухачу?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не угадали. Вы только прочувствуйте, как вино на фракции распадается. Это вам не Италия с Францией! (*Водит носом над бокалом.*)

ГЛЕБУШКА. Неужели, местное домашнее? Ну, колитесь уже.

ЛЕОН (*выстреливает*). Arbatskoye polusladkoye! У нас весь погреб забит. Им и Massandroy.

НАСТЕНЬКА. Для гостей?

ЛЕОН. Да. Sovetsky brut еще есть, но это на Новый Год шипучка. Роман Андреич не решил открывать.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*Леону*). Неси барана!

ГЛЕБУШКА. Роман Андреевич, вы в Британии нищенствовать стали? За нашу и вашу свободу?

ЛИЗОН. Фу, гадость какая!

Гости синхронно ставят бокалы на поднос. *Леон* уходит на кухню.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Соскучился я, понимаете, соскучился просто. Сколько можно эти виски с Гинессом хлебать?

ГЛЕБУШКА. Зря. Вы бы денатурату, что ли, из duty free заказали. Спецом для нас. Или из трона чего вытащили.

МИХАИЛ. Мы бы не отказались, на.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Не поймете вы меня. Для меня Arbatskoye давно элитным стало. Мне даже как-то неловко вам европейскую пакость предлагать. У меня вообще ощущение, что она последнее время окурками какими-то отдает. А в российском brute, кстати говоря, перляж отменный.

НАСТЕНЬКА. Простите?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ну, эти. Пузырёчки.

ГЛЕБУШКА. А что, не пузырится уже душа Мондорой? Мордор¹³ настал?... Ладно уж, сиделец. Баран хоть настоящий? Или коза какая-нибудь из-под Твери?

¹³ Мордор (*синд.* Mordor) – «черная страна» в легендариуме Дж. Р. Р. Толкина.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*обиженно*). Настоящий, настоящий.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Роман Андреевич, знаете что, вы с мальчиками пообщайтесь, а я, пожалуй, с девочками на кухню схожу. Прослежу. Настя! Лиза! За мной!

Дамы удаляются. Слышно, как они тихо переговариваются между собой.

НАСТЕНЬКА. Arbatskoye – гостям. Sovetsky brut – на Новый Год. Какой перляж!

ЛИЗОН. Совсем он тут алкоголиком стал. Ему, по-моему, все равно, что сосать. Вы трон-то его видели? Он же даже бутылки не сдает.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Тише, услышит еще. Здесь некуда сдавать. Отсталая страна. (*Нервно оглядывается.*) Роман Андреевич, мы скоро!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*в удаляющиеся спины женщин*). Угу.

МИХАИЛ. Какой-то ты, Ромыч, не праздничный совсем. Чё не так, на?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Всё не так. Курить будете? Угощаю.

МИХАИЛ. Не, после вина я лучше свои.

БОРИС. Так что случилось?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Здесь болит. (*Прикладывает руку к сердцу.*) Ноет. Саднит. На-до-е-ло. И спать все время хочется. (*Шагает к трону, поднимает квейк, направляется к камину, вытряхивает окурки, затем идет к хьюмидору и вытаскивает сигары.*)

ГЛЕБУШКА. Трофейные или союзнические?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Контрабандные.

ГЛЕБУШКА. Давайте!

ОТЕЦ СЕРГИЙ. «Отче наш», Роман Андреевич, на ночь следует читать. Молитва она всегда от греха отводит и злые сердца умягчает...

Долгая пауза. Мужчины смотрят на *отца Сергия*, как на конченого идиота, молча рассаживаются и закуривают сигары.

Картина третья

Наивный реализм

ГЛЕБУШКА (*закуривая сигару*). По березам и соснам, значит, соскучились? По махорочке? Это мы быстро можем организовать. Лет на десять.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*гильотинкой отхватывает кончик у сигары*). Да ну вас, Глеб Вадимович. Мне бы одним глазком только, и обратно. Да и дел там не впрокорот.

ГЛЕБУШКА. Одним глазком – это, знаете ли, до первого погранца. Может быть, погоны еще успеете разглядеть. А дальше – рожей в пол и берцы¹⁴. Изредка будут во двор погулять выводить. Как раз между перестукиваниями по стенкам.

МИХАИЛ. Нельзя тебе сейчас в Москву. Закроют. Подожди несколько лет.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Нельзя, но нужно. Неужели ничего не придумать?

БОРИС. А что тут придумать? Вас же любая собака в России знает.

ГЛЕБУШКА. Что собаки, его все блохи на собаках знают.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А если грим или бороду очень серьезную отпустить? (*Поглаживает шотландку-переросток*.) Вот как у Серёжи.

ГЛЕБУШКА. Инкогнито, типа? Аки шпиён? Представляете, во что ваши десять лет выльются, если поймают? Вы же, как йети, шерстью можете обрасти, а вас всё равно любой гэбэшный цирюльник опознает. Или вы думаете, что вас дреды в бороде сильно спасают? Так вот нет. Можно, конечно, еще в растамана поиграть или даже китайским мандарином вырядиться, но, думаю, и это не поможет.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*задумчиво*). Да-а-а... И всё-таки я бы попробовал. Вряд ли меня в таком виде...

ОТЕЦ СЕРГИЙ (*перебивает*). Может, пластику?

БОРИС. Конечно! У мамы же есть знакомый хирург.

ГЛЕБУШКА. Ну да. До кучи ему осталось только лицо потерять.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Это вы, Глеб Вадимович, на потерянную совесть намекаете?

ГЛЕБУШКА. Заметьте, Роман Андреевич, не я это сказал. А на воре шапка, как известно...

МИХАИЛ. Сейчас, Глебушка, ты обратно поедешь. Грузовым рейсом. В гробу, на.

ГЛЕБУШКА. Ты кого пугаешь? Сам подумай. Я ж и так – нежить.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Кстати, а откуда он у вас? Презент этот крупногабаритный.

МИХАИЛ. Так просто. Наш он.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. В смысле – ваш?

БОРИС. Семейный бизнес, Роман Андреевич. Мы развиваться решили. «Kriazh Airlines», конечно, хорошо. Но мы диверси... короче, фицировали риски в прошлом году. Открыли сеть похоронных бюро. (*Говоря эти слова, Борис деловито вытаскивает из внутреннего кармана пакетик и платиновую VISA, высыпает на столешницу порошок, ребром карточки аккуратно нарезает две «дорожки», затем достает стодолларовую купюру, скручивает ее в трубочку и, зажимая одну ноздрю пальцем, втягивает в себя белые кристаллы.*) Будет кто? (*Кивает на вторую «дорожку».*)

ГЛЕБУШКА. Надо говорить салоны ритуальных услуг, Боряйла. Так солидней понты кидать.

МИХАИЛ (*гордо*). «Братья Кряжистые и Ко»! Лимитед, так сказать. Я там и.о., Ромыч. (*Борису.*) Дай мне чутка. (*Всасывает ноздрей половину «дорожки», кряхтит.*)

¹⁴ Берцы (*разг.*) – высокие армейские ботинки на шнуровке; часть амуниции ОМОН.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ *(кашляет)*. Зачем? «Братья»?

БОРИС *(дотягивает за братом порошок)*. Людей хоронить.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Каких?

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Отошедших. Неужто, Роман Андреевич, пояснять сие надо?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ничего не понимаю. Это что, прибыльней, чем авиалинии?

ГЛЕБУШКА. А то! И материал всегда есть, и спрос. Самолеты падают, гробы восстают.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ *(задумчиво)*. И давно вы этим?

БОРИС *(трет пальцем десны и прячет аксессуары в карман)*. Так я же говорю – год. Мы гробы, как обычно, через свои авиалинии привезли. Один из партии взяли и вам доставили. Ну а Глебушка уже около дома в него лег.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Интересно-интересно...

МИХАИЛ *(неожиданно вскакивает)*. Ромыч, да ты не понял! Бизнес – крутяк! Реальная тема. Ты хоть знаешь, сколько по миру народу дохнет? Это же скоропортящийся продукт. А у нас ведь и экспорт. И Ближний Восток, и Евросоюз, на... На Востоке, например, цинк очень в ходу. И главное, оптом последнее время берут!

ГЛЕБУШКА. Ничего, скоро и на Западе так будет. Только на прокат. А то их кредитные пузыри с ипотечным кризисом душат.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Так вы, что, и на Запад возите?

МИХАИЛ *(радостно)*. А то! У нас же экологически чистое всё. Без примесей, на.

ГЛЕБУШКА *(выдувая дым)*. Европейцы, они же без гмо любят... Отличный самокрут, кстати.

МИХАИЛ. Вот ты знаешь, Ромыч, что такое настоящий дубовик? Любой короед зубы обломает. А сосна?! А тополь?! Осина! Бук! А подушки с покрывалами?! Атлас! Тюль! Жак... ёпт, как там, на?

ГЛЕБУШКА. Жаккард.

МИХАИЛ. Точняк! Жаккард! А фурнитурка?! А обивка?! Лежать одно удовольствие! Чисто младенцем себя чувствуешь! Если б не жизнь – сам бы лег!

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Ты, сын мой, говори да не заговаривайся.

МИХАИЛ. Ну да. Это я лишку дал.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. И много у вас клиентов?

МИХАИЛ. Отбоя нет! Сейчас-то мы упор, конечно, на западную VIP-клиентуру сделали. На элитарку.

ГЛЕБУШКА. Своих-то мы еще в 90-ые похоронили.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Я помню.

МИХАИЛ. Своих тоже с удовольствием хороним. Просто количество сейчас не то... А знаешь что, Ромыч, у нас ведь и скидки имеются. Для среднего класса и для чуть пожиже.

БОРИС. Эконом-класса.

ГЛЕБУШКА. Для совковых экономистов. В мешковине. Народ ведь поддерживать надо.

МИХАИЛ. Глохни, Глебушка! А ведь можно и на заказ, Ромыч. Например, в Китае есть висячие гробы на скалах. А сейчас же ретро всемирное пошло. Хотят, чтоб как у предков было. К истокам, так сказать, припасть, на.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Китай – это уже не Ближний Восток. Что у тебя с географией, Миша?

МИХАИЛ. Да хер с ним, какая, на, разница! Мрут-то так же. А воздушные похороны у узкоглазых япошек? А водные у пиндосских офицеров? Горный воздух, океанская вода! А наши погребальные ладьи? Это же обряды целые! Традиции! Э-ко-ло-ги-я! А экология – это всегда субсидии, госдотации, гранты. Эээх!.. Гробы! Саваны! Кремация! Курганы, наконец, лепить можно! Размах! Размах-то какой! Гло-ба-ли-за-ци-я! На!

ГЛЕБУШКА. Миша, обрел себя. Видите, аж глаз горит. На пепелище.

МИХАИЛ (*никого не слушает, бегают, машет руками*). Или вот недавно одного хера в реальном iPhone хоронили. Типа, в Apple. Только побольше. Пойми, Ромыч, просто гроб – это прошлый век. Сейчас эксклюзив в ходу. Гламур, на! (*Пишет в воздухе рукой.*) «Умирать не страшно, умирать – дорого!» Чего за этот год только не было. И башмак, и бутылка водки, и авто. Прикинь, даже рояль был. А наши бронированные катафалки с ветерком?! А какие у нас саркофаги?! Ты бы видел! Чистый музей! Ни у кого лучше нет. Даже двуспальники с реальным лифтом были. Ты только зацени. Вот была семья скромных чиновников. Душа в душу, вашу Машу, жили. Он недрами заправлял, она кадастры подмахивала. И тут – оба-на! Кругосветка им в одном конверте подвернулась. От благодарных недровиков.

ГЛЕБУШКА (*поправляя*). Недропользователей.

МИХАИЛ. Не. Недровиков. В общем, они в один день и час – от Эболы в Сьерра-на-Леоне гикнулись. Ну, мы их, по просьбе управления, – в тандеме, и на лифте. Вжих! – и на минус первый этаж, под земельный фонд. Мечта всей жизни, на!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Какого еще управления?

ГЛЕБУШКА. Могли бы и догадаться. Кадастра и картографии.

БОРИС. Они по рекомендации Министерства к нам обратились. Природных ресурсов и экологии. Тоже хорошие ребята.

ГЛЕБУШКА (*с сарказмом*). Очень.

МИХАИЛ. Именно! Понимаешь теперь, Ромыч? Всегда вместе. Бок о бок. Тут рядом, там рядом. Не разлей вода. Одно слово – семь-я! Тандем, на!.. Эх, жаль, ты нашей выставки на Вэ-Дэ-Эн-Ха не видел! А какая там «красная дорожка» была!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*из рта которого вяло свисает сигара*). Выставки?

БОРИС (*шмыгая пыльным носом*). Да, ее еще отец Сергей осенял. «Некрополь Москвы»¹⁵. Мы даже Гран-при получили. Нам и статуэтку с грамотой дали.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Статуэтку? С грамотой?

ГЛЕБУШКА. Ага. Верительной. «Лауреату Выставки достижений некроложного хозяйства».

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Было дело. Божье. Благое. Мэр вручал.

МИХАИЛ. Во такенный крест в золотом венке! (*Разводит руками.*) А в прошлом году мраморный ангел был. Мы тогда еще не очень развернулись, да и серьезных выходов на оргкомитет не было – поэтому только третье место заняли. Я ангела матери подарил, он у нее в спальне сейчас стоит. Но ангел, конечно, хорошо, да и маме, на, приятно... но все ж таки не так, чтоб очень... Самое главное, Ромыч, это то, что мы благодарственное письмо от Мосгордумы получили. Копию маман в рамку повесила, а я с собой оригинал ношу, если проверка какая. (*Вытаскивает из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги, разворачивает, с восторгом читает.*) «Уважаемые партнеры! Выражаем нашу искреннюю благодарность и глубокую признательность за участие в выставке. Мы верим в сохранение сложившихся деловых и дружеских отношений, надеемся на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество и укрепление связей на российском рынке. Желаем успешного развития и достижения новых вершин в бизнесе». Вишь, чья подпись, на? То-то же! Считай – индульгенция! (*Показывает письмо олигарху, гордо прячет в карман.*)

ГЛЕБУШКА. Так что, с душой подходим. Креативненько. Гробовых дел мастера. По телику даже целая передача о нас была. «Новости ритуалки». Лизончик мастер-класс по плетению венков провела, Настурция азам траурной лепки учила. Она у нас очень талантливая оказалась. Фея смерти, можно сказать. Если вам, Роман Андреевич, ваши руки когда-

¹⁵ Выставка новинок похоронного бизнеса проходит в одном из павильонов ВДНХ. Имеет статус международной. В 2012 г. проект «Некрополь» с помпой отпраздновал 20-летний юбилей. (*Прим. авт.*)

нибудь понадобятся или маска – обращайтесь, милости просим... (*Олигарх начинает сильно кашлять.*) Вам по спинке похлопать?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*откашлявшись*). Не надо.

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Это всё сигары контрабандные...

ГЛЕБУШКА (*продолжает*). А Боря, не поверите, в кои-то веки не поленился и скачал в Инете две презентации. Одну по крионике¹⁶, другую – сразу по изготовлению гранитных плит, чтоб далеко не ходить. Потому что тут ведь пятьдесят на пятьдесят – либо прокатит, либо нет... Народу на презентациях, надо сказать, тьма была. Хочется ведь при жизни чему-то стоящему научиться... Ну и Миша, конечно, очень пылко говорил. О новых формах во времена стагнации, о скидках, о тесном сотрудничестве с Евросоюзом. Жёг, можно сказать. Пожарче, чем в крематории.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. То есть... Подождите... Миша вот говорил... Вы хотите сказать, что на заказ любую форму можно сделать?

МИХАИЛ. Хоть тульский самовар. Или даже пряник. Такой, знаешь, типа, с глазурью, на. Шоб послаще... Но тебе, если хочешь, можем в форме сигары скрутить. А сверху голограммный портрет наклепать.

ГЛЕБУШКА. Хоть в профиль, хоть анфас. И еще в шотландский плед замотать. Для теплоты. Эпоха креаклов и креативщиков – сами понимаете. Время-то какое. Пора к земле привыкать.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Какое такое?

ГЛЕБУШКА. Содомии да мать ее Гоморры. Кругом сплошные творчество, разврат и суицид. Как там говорят? Человек проживает жизнь с мебелью из Дэ-эС-Пэ, а в землю ложится в дереве из ценных пород. Золотые слова, между прочим. Благость, как сказал бы наш экзорцист.

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Окстись, Глеб Вадимыч!

ГЛЕБУШКА. Ща! Окшусь! Вы, кстати, в курсе, Роман Андреевич, что вашего Малевича вообще в супрематическом гробу кремировали? (*Поочередно кивает на «Черный» и «Красный» квадраты.*) Знаете, в чем фишка? Этот гроб был в виде креста с раскинутыми руками. Я вот думаю, как же его в печь засунули?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Да, интересно, как? (*С удивлением смотрит на «Квадраты».*)

ГЛЕБУШКА. Надо полагать, боком.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Думаете?

ГЛЕБУШКА. Ну а вы по-другому попробуйте. Я посмотрю.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Честно говоря, не хочу.

МИХАИЛ (*переходя на доверительный шепот и оглядываясь по сторонам*). Это что, Ромыч. Гробами же еще и революции поддерживать можно.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Это еще как? Не понял.

МИХАИЛ. Ну сам подумай, чё гробы порожняком на Запад гонять? Вот сейчас шотландцам помогаем.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. И что же вы им поставляете?

МИХАИЛ. Что-что?! Волюнки для переворотов. (*Начинает громко ржать.*) Но я тебе, Ромыч, этого не говорил.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*снова кашляет, тушит сигару в квейке*). Вы, Кряжистые, даже как-то выросли в моих глазах... В своем цинизме. Молодцы.

ГЛЕБУШКА. Не циничней жизни, Роман Андреевич.

¹⁶ Крионика, криоконсервация (от *греч.* κρύος – холод, мороз и *лат.* conservo – сохраняю) – практика замораживания людей, находящихся в состоянии клинической смерти, в жидком азоте с надеждой на возрождение их в будущем.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ну да. Согласен. Какая-то мысль в голове всё вертится и вертится... Год, значит, этим занимаетесь... Авиалинии, гробы... А акционеры кто? Ах, ну да, что это я глупые вопросы задаю... (*Задумчиво выуживает из споррана таблетницу, наливает в фужер виски, запивает пилюли.*)

ГЛЕБУШКА. Роман Андреевич, слушайте, а чем это вы закидываетесь, если не секрет?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Это от давления.

ГЛЕБУШКА. «Колеса» с алкоголем?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. А какая разница?

ГЛЕБУШКА. Никакой. Просто вытыривает, наверно, неплохо. Да, Боряйла?

БОРИС (*Глебушке*). Матери только не говори.

ГЛЕБУШКА. Про Мишу тоже?

МИХАИЛ. Меня вроде отпустило. Я ж чутка только. Побаловаться.

ГЛЕБУШКА. Зато Бореньку, я смотрю, так и не взяло. Совсем толерантный стал.

В этот момент в залу входят *Каролина Карловна, Лизон, Настенька* и *слуги*. В руках у них блюда.

ЛЕОН. Мясо! (*Пауза.*) Sir!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. А вот и баран! К столу мальчики! Ох, и накурили!

Мужчины поднимаются и проходят к столу. По пути *Роман Андреевич* заворачивает к трону и вытаскивает несколько бутылок из каркаса. Смотрит на дорогие этикетки, возвращает на место, вытягивает бюджетные «Johnnie Walker» – «Red» и «Black Label».

ГЛЕБУШКА. О! Чую запах паленого агнца!

НАСТЕНЬКА. Мы его частично спасли.

ГЛЕБУШКА. А мы его по полной накажем! Жрать хочу – сил нет. А то в самолете эти термообеды дурацкие. Толком и не поешь, измажешься только весь. Надо Светлане Николаевне сказать. Не бережет она свои авиалинии. Глядишь, семья Кряжистых такими темпами скоро по миру пойдет.

МИХАИЛ. Не пойдет, на.

ГЛЕБУШКА. Ах, ну да. У нас же дотации, гранты. Гробовые.

Все усаживаются за стол. *Лизон* ставит тыкву от Swarovski в центр накрытого стола.

Леон с Бенедиктом разрезают барана. Кладут каждому по куску. Накладывают запеченную картошку.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*Леону*). А мне приготовили?

БЕНЕДИКТ. Ask, Роман Андреич. Уральские.

Бенедикт со словами: «Sorгу, что не в масть» снимает колпак, закрывающий серебряный поднос, и ставит перед олигархом глубокую деревянную миску под хохлому – с пельменями. Рядом кладет расписную под палех ложку.

ЛЕОН. Кисель будете? Вы просили.

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Ага! Сварил всё-таки. Наливай!

Леон подхватывает глиняный кувшин. Плещет кисель в олигархическую кружку-гжель.

ЛЕОН. Кому еще?

ГЛЕБУШКА (*вооружается вилкой с ножом*). Никому. Мы не для этого уезжали. Знал бы, чебуреков вам из Москвы привез. Какие у нас разносолы в Москве, Роман Андреевич! Беляши, шаурма, пирожки с мясом. А начинка! Купи пять чебуреков и собери кошку. (*Лизон смеется.*)

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Помолчи, Глеб! А вы почему, Роман Андреевич, барана не едите?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ (*поглощаяпельмени*). А надоела мне эта замковая кухня. Хочется чего-то родного.

ГЛЕБУШКА. Коммунального. Вы валенки специально не носите, чтоб никто не догадался? Или ножки преют?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Они с килтом не смотрятся.

ГЛЕБУШКА. Вы это серьезно?

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Вполне. (*Слугам.*) Свободны. (*Всем.*) Давайте праздновать!

Леон с Бенедиктом удаляются.

ГЛЕБУШКА. Поддерживаю! И раз у нас такое хэллоуиновское дело случилось, то, может, кто-нибудь слово возьмет? (*Отцу Сергию.*) Может, ты? Нет? Ну на нет и Судного дня нет. Тогда я скажу. (*Поднимается.*) Итак, господа, что же из себя представляет этот великий праздник, доставшийся нам в наследство чёрт знает откуда и чёрт знает от кого?

ОТЕЦ СЕРГИЙ. От Сатаны праздник сей. Лукавый день.

ГЛЕБУШКА. В связи с чем даем слово экзорцисту, ибо они просят.

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Не буду славить. Греховный день.

ГЛЕБУШКА. А в компании ряженных пить не греховно?

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Я соглядатайствую, чтобы вы во грех не пустились.

ГЛЕБУШКА. Угу. В свальный. Ну, ладно – соглядатайствуй. А я пока тост скажу. За руки предлагаю не братья и благодарение не приносить.

НАСТЕНЬКА. Мне кажется, ты праздники путаешь.

ГЛЕБУШКА. Я вас умоляю, сударыня. Всё это одного поля ягоды. Только идола с провайдерами разные.

ЛИЗОН. Глебушка, ну можно уже быстрее как-нибудь? Рука устала бокал держать.

ГЛЕБУШКА (*юродствует*). Быстрее только котика для чебуреков родятся, а у нас сегодня большой день. Важный. День бесов и прочей нечисти. (*Высоко поднимает бокал.*) И только в таком коллективе, только в этой изумительной макабрической атмосфере и черной ауре можно справлять сей нелепый праздник. Ведь, вспомните, что было раньше! Международный женский день, День защитника Отечества, День Победы, Годовщина Октябрьской революции, Новый год, наконец. Кто были наши герои? Клара Цеткин, Роза Люксембург, Владимир Ульянов. А что сейчас? День нетрадиционной ориентации, День святого Валентина, Хэллоуин. Кто этот Валя-Валентин? Кто эти бесы, я спрашиваю? Девальвация праздников произошла. Обнищание героев. Экспансия западничества на наш Восток. На нашу Евразию и Азию. Продали, господа, страну! Разворовали! Обесчестили! И да упокойся с миром всё то, что строили наши деды и прадеды, и что с таким удивительным разгильдяйством мы профукали всего за пару десятилетий. Посему, рыдает Москва! Дрожит столица! Аминь, господа-товарищи! (*Залом осушает бокал.*)

БОРИС. Кто-нибудь понял, что он сейчас сказал?

МИХАИЛ. Очень даже понял, на. Измазал ты нас, Глебушка, по самое небалуй.

ГЛЕБУШКА. Сами измазались. Расхлебывайте теперь.

ЛИЗОН. А ты, типа, как и ни при чем?

ГЛЕБУШКА. А я как Сергуня. Соглядатайствую, чтобы вы еще чего не учудили.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ну, с тобой, Глебушка, всё понятно. У кого есть приличный тост?

НАСТЕНЬКА (*вскидывает вверх волшебную палочку*). У меня.

БОРИС. Давай, Насть, говори!

НАСТЕНЬКА. Когда умер папа...

ГЛЕБУШКА. Отличный день для ковыряния в прахе.

МИХАИЛ. Глохни! На!

РОМАН АНДРЕЕВИЧ. Продолжайте, Настенька.

НАСТЕНЬКА. Так вот, когда умер папа, и мы все его хоронили, я думала, что земля уходит у меня из-под ног. Ведь, казалось бы, всё тогда пропало...

ГЛЕБУШКА. Заводы, акции, яхты...

НАСТЕНЬКА. Я так не могу!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*Глебушке*). Не перебивай!

ГЛЕБУШКА (*тихо*). Ее перебьешь, как же. Самим останавливать придется.

НАСТЕНЬКА. Ну так вот. А папа, если помните, не очень хорошо тогда поступил. Но он пожилой человек был.

ГЛЕБУШКА. Возраст – лучший друг Альцгеймера.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Не был он в Альцгеймере!

ГЛЕБУШКА. А в каком интеллектуальном голодании он тогда был?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Не тебе судить его! Продолжай, Настя!

НАСТЕНЬКА. Ну вот. И когда он нас всех лишил наследства, я думала, что всё – День всех святых настал... А он вот продолжается... Этот День... Извините, я что-то путаюсь... И теперь, когда папы нет... Мы всё равно помним о нем, потому что в нашей семье появилась Светлана Николаевна и Сашенька... А Светлана Николаевна святая женщина оказалась – не пустила нас по миру, не дала умереть, а приютила, дала хлеб и кров, образование...

ЛИЗОН. Стоп, Настька. Чё-то я не воткну, а к чему ты это всё рассказываешь?

НАСТЕНЬКА. Так канун Дня святых. А папа – святой человек был. И Светлана Николаевна святая...

ГЛЕБУШКА. Святая! Фактически все папкины деньги заграбастала и вассалами нас сделала. Настурция, надо было тост сказать, а не заупокойную прочесть. Тем более, что эта святая женщина в отличие от папика еще жива.

ЛИЗОН. Блин, никто не знает, что в этот день говорить нужно! Прикольный же праздник! Вы чего все?!

БОРИС. Может, я попробую?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Попробуй, Боренька.

БОРИС (*поднимается*). Я вот что хочу сказать. Вот, если взять в расчет, что смерти в ее духовном смысле нет, то праздник Хэллоуин, безусловно, является доказательством того, что мертвые среди живых, а живые среди мертвых.

МИХАИЛ. Поясни. Ни хера непонятно.

БОРИС. Ну, Миша, это же просто. Иными словами, не каждый мертвый является мертвым, в то время, как и не каждый живой живым. Понимаешь, Миша, таким образом происходит как бы казуистика или физическая несостоятельность ряда философских школ, базирующаяся на материальном восприятии мира. Так как в этот День не представляется возможным отличить одно от другого – дух от тела, а тело от души. Поэтому предлагаю выпить и вспомнить всех тех, кто уже не с нами, но остался в нас. Как говорят в Финляндии: кахта куолемаа эй оле эйкя ихдельтя вяльтю. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.